Тени снов

Автор:
Сергей Лукьяненко

Тени снов

Сергей Васильевич Лукьяненко

Линия Грез #3

«Когда поздним вечером я вышел из леса, уставший, голодный, злой, ненавидящий весь мир – и себя самого в придачу, то наткнулся прямо на абори.

Туземец сидел на бетонной плите, косо выпиравшей из земли. Эта часть космопорта была давным-давно заброшена, уложенные некогда с таким старанием плиты раскрошились, и трава-конусовка выпихивала их одну за другой. За моей спиной бетон уже превратился в гнилое крошево, даже не напоминавшее продукт человеческих рук. Впереди, ближе к городку, плиты еще держались. Вначале шли волнами – чужая земля неумолимо отвергала их, потом обретали былую прочность…»

Сергей Лукьяненко

Тени снов

Глава 1

Курьеры и спортсмены

[1 - Смотрите приложение в конце книги.]

Когда поздним вечером я вышел из леса, уставший, голодный, злой, ненавидящий весь мир – и себя самого в придачу, то наткнулся прямо на абори.

Туземец сидел на бетонной плите, косо выпиравшей из земли. Эта часть космопорта была давным-давно заброшена, уложенные некогда с таким старанием плиты раскрошились, и трава-конусовка выпихивала их одну за другой. За моей спиной бетон уже превратился в гнилое крошево, даже не напоминавшее продукт человеческих рук. Впереди, ближе к городку, плиты еще держались. Вначале шли волнами – чужая земля неумолимо отвергала их, потом обретали былую прочность.

Абори посмотрел на меня, выпуклые глаза запульсировали, настраивая фокус. Подтянул длинные тонкие ноги, будто опасался, что я сдерну его с плиты.

– Мир и любовь, – буркнул я, обходя плиту с нахохлившимся абори. Это был старый туземец, бурый цвет ложнокожи выдавал преклонный возраст. Такие старожилы частенько разражаются приступами кашля, а мне совсем не улыбалось оттирать едкую слизь с комбинезона.

– Мир и любовь, – нечленораздельно повторил абори. Я остановился. Туземцы могли лишь копировать речь, но сам факт ответа говорил о желании общаться.

– Хорошо, дружок, я слушаю, – остановившись на безопасном расстоянии, произнес я. Абори сморщил сплюснутый нос и прогнусавил:

– Хорошо… дружок…

Я ждал. К существу, которое говорит носом – просто из желания привлечь твое внимание, стоит быть снисходительным.

Абори отцепил одну руку от плиты, пропихнул ее в складки ложнокожи. Я терпеливо ждал, пока туземец ковырялся в своих внутренностях. Может быть, у него печенка зачесалась…

Абори издал хлюпающий звук и вытащил наружу крошечный оранжевый шарик. Протянул его ко мне, перекатывая на ладони.

Жемчужина была хороша!

Нет, не «Рассвет Империи», не «Плазменный цветок». Но полноценная жемчужина первой категории, а это – лет пять безбедного существования для меня.

Или билет на Терру.

Я шагнул к абори – и тот мгновенно спрятал жемчужину в свое тело.

– Вода? – тупо спросил я.

– Вода, – согласился абори.

Им, коренным обитателям планеты, ничего не надо от нас. Совсем ничего. Оружие, техника, одежда, пища – ничего не стоят в их глазах.

Только вода. Совсем немного чистой воды – около литра. Эта цена устраивает всех, и литровую фляжку на поясе носят даже маленькие дети. Все знают, как поступить, если абори протянет тебе жемчужину.

Я отстегнул флягу и показал абори. Фляга была легкой, очень легкой.

– Я заблудился, – сказал я. – Понимаешь? В песках заблудился. У меня нет воды.

Абори вздохнул и сполз с плиты.

– Подожди! – крикнул я. – Ну подожди, подожди же ты! Я принесу! Час подожди! Полчаса!

Я вдруг подумал, что за полчаса успею добежать до ближайшего поста охраны. А там – наполнить флягу, взять флаер – ребята разрешат, и за пару минут вернуться сюда.

Абори уходил.

– Скотина! – крикнул я вслед.

Как всегда, почувствовав угрозу – пусть даже слабую, абори остановился. Посмотрел на меня – и голову вдруг продуло насквозь ледяным ветром. В пустом черепе задребезжал ссохшийся шарик мозгов.

Угроза была устрашающе достоверной. И главное – вполне обоснованной. Высушить мои мозги для абори – секундное дело.

Впрочем, он понимал, что от ругани до выстрелов в спину – дистанция огромная. Развернулся и вновь зашагал к лесу. Я стоял, только теперь осознав, что сжимаю голову руками – то ли в бесплодной попытке прикрыться от иллюзии, то ли пытаясь подогнать череп под новые размеры мозгов.

Как он меня… паршивец…

Абори уходил. Я откупорил флягу и медленно вылил на землю остатки воды. Слишком мало, чтобы заинтересовать туземца. И самое смешное – она ничего не стоит. Воды на планете много, две артезианские скважины обеспечивают городок полностью. Есть и реки, и озера, и болота.

Просто иногда абори считают разумным сменять на литр воды выращенную в собственном теле оранжевую жемчужину.

Они хорошо устроились, абори. Никто не станет ссориться с существом, владеющим телепатией и способным излучать микроволны. Тем более что отобрать спрятанную жемчужину невозможно – в трупе она растворится в доли секунды. Тем более что другие абори все равно выследят убийцу – и поджарят живьем. А если он покинет планету – убьют самого близкого ему человека. Как они выбирают самого близкого человека – неизвестно. Но они не ошибаются. Так поступили с сыном Дина Рассела, человека, отобравшего у абори «Плазменный цветок». Никто не знает, почему он убил туземца, вместо того чтобы отдать флягу, – вода у него была. Но он отплатил за жемчужину выстрелом, удрал с планеты – а к вечеру того же дня абори пришли в городок. Полосу заграждений они прожгли – с тех пор высоковольтный забор не восстанавливают. Вошли в город – никто не рискнул преградить им дорогу. Все думали, что они схватят

жену Рассела – а туземцы взяли его сына. Только священник пытался что-то сделать. Бегал со своим крестом, кричал. А туземцы повторяли: «Одумайтесь… невинный… гнев Божий…» и тащили парня на площадь.

Там его и сожгли. Вмиг, без лишней жестокости. Был человек, стала высушенная изнутри оболочка.

Несколько человек схватились за оружие, но вовремя почувствовали, что абори готовы повторить фокус и с ними.

А потом два десятка абори направились к людям – и протянули оранжевые жемчужины. Нет, не в качестве компенсации. Они предлагали обмен. Напоминали, как он должен проходить.

И рядом с мумией семнадцатилетнего парня, имевшего несчастье быть сыном Рассела, люди молча отстегивали фляги и отдавали их абори…

…Я смотрел на последние капли воды, срывающиеся с горлышка. Потом бросил флягу и ударил каблуком. Пластик смялся, но выдержал. Я топтал флягу, пока не отбил пятки.

Пластик оказался прочнее, чем я.

Уже совсем стемнело, багровое солнце скрылось за горизонтом, проступили звезды. Я подошел к посту – круглому, вросшему в бетон куполу, утыканному маленькими башенками боевых систем. По уставу купол должно прикрывать силовое поле, все входы-выходы – наглухо задраены, а меня, прущего напрямик по взлетному полю, уже три раза предупредили бы и раз пять сожгли.

Хорошо, что мы живем не по уставу. Хорошо, что у нас такая мирная и спокойная планета.

Ведь даже абори никогда не причинят вреда человеку – кроме как в порядке самообороны. Они не злые. Просто совсем-совсем чужие…

У открытой двери купола, подложив под задницу зачехленный ракетник «Сальери», похожий размерами и формой на школьный ранец, сидел Денис

Огарин. У меня даже настроение улучшилось – чуть-чуть. Денис помахал мне рукой, потом демонстративно уставился на флягу. Точнее – на то место, где она должна была висеть.

– Тебя можно поздравить, парень?

Денис всего на пять лет старше меня. А в свои двадцать я с удивлением понял, что обращение «молодой человек» или «парень» – уже не совсем ко мне. Но Денису позволительно называть меня парнем, юношей, мальчиком, дитем – кем угодно. Десять лет назад он вышел из стен кадетского корпуса на Терре. И с тех пор в космопехоте. Уже старший лейтенант. Повидал почти всю Империю, да и за пределами бывал.

– Надо мной можно смеяться, – хмуро сказал я. Присел рядом – на ранце-ракетомете места не хватило, да и не улыбалось мне сидеть на субатомных зарядах, это только космопехам банк спермы оплачивает государство. В двух словах рассказал о произошедшем.

– Смеяться не буду, – сказал Денис. Порылся в кармане, достал трубку и табачок. – Смеяться стоит над теми, кто еще не безнадежен. Чтобы поняли. А ты – безнадежен.

Я молчал.

– Лешка, я тебе рассказывал о законах удачи?

– Рассказывал. Сто раз.

– Так вот, мой юный друг. – Денис методично утрамбовывал табак, даже не глядя на меня и не обратив никакого внимания на ответ. – Главный из этих законов – ты должен быть готов к удаче. В любой момент. Если даже сидишь на стульчаке, то это не отменяет необходимости вскочить и со спущенными штанами побежать за ней вслед.

– Денис…

– Что? Ты не выглядишь таким уж изможденным. Ты ушел из поселка вчера утром. Без воды можно спокойно просуществовать трое суток. Какого дьявола ты раскупорил обменную флягу?

– Хотелось пить.

– Тогда не жалуйся. Ты утолил жажду, и тебе стало хорошо. Правда, ты упустил свой единственный шанс выбраться из этой дыры. Но всегда приходится чем-то жертвовать.

Он был прав, во всем прав, и на снисхождение рассчитывать не приходилось.

– Не говори никому, – попросил я.

– Хорошо. Только ведь ты сам всем расскажешь. Не выдержишь. Напьешься этим вечером и будешь плакаться приятелям. Добавишь к своим прозвищам еще одно, новенькое.

Я молчал.

– Алексей, я тебя знаю пять лет. – Денис обнял меня за плечи. – И ты знаешь, что характерно? При первом взгляде ты кажешься человеком чрезвычайно способным и удачливым. Даже зависть берет, хорошая такая… добрая. Сильный, умный, талантливый юноша. Самородок с фронтира. Это ведь правда, что в десять лет тебе предложили поступить в художественное училище на Терре? На государственный кошт?

– Да.

– Ты расплакался, отказался улетать, еще пару лет лепил свои статуэтки, потом забросил.

– Это не мое, Денис! Ну какой я художник, какой скульптор? Повезло случайно, победил на этой дурацкой выставке, и что?

– Дурачок. Да пусть это трижды не твое! У тебя был шанс выбраться отсюда. И куда – на Терру! Понимаешь? Пусть бы тебя отчислили через месяц за лень и

бесталанность, все равно государство брало на себя ответственность! Отправлять тебя обратно стало бы дороже, чем воспитать до совершеннолетия в метрополии! И не говори, что ты этого не понимал! Даже в детстве!

– Понимал.

– Вот так. Потом – тебе было уже восемнадцать, верно? Когда здесь вербовали в космопехоту? Прошел бы по всем статьям, поверь мне.

– Я хотел!

– Хотел. И сломал руку перед самой медкомиссией.

– Это не моя вина.

Денис попыхтел трубкой, глядя на разгорающиеся огни городка. Самые яркие были в здании клуба. Прав он, сейчас я туда и отправлюсь, напьюсь и всем расскажу о своем позоре…

– Я и не утверждаю. Просто есть те, кто ловит удачу за хвост. А есть те, к кому она приходит – а ее не замечают. Ты из их числа. Уж извини.

– Это просто невезение.

– Да! Да, Алексей! Просто невезение. И оно тебя любит. Ты посмотри на себя… двадцать лет прожил в дыре, на планете, где и пяти тысяч населения не наберется. Занимаешься черт знает чем! Бродишь по лесам в надежде, что кто-то из аборигенов подарит тебе кусочек своих фекалий…

– Жемчуг – не фекалии!

– Допустим. Хоть почечные камни. Какая разница? И уж если начистоту… никакой ценности в нем нет. Украшение, случайно вошедшее в моду. Вот пройдет окончательно спрос на жемчуг – и на вашей планете поставят жирный крест. А знаешь, как это может случиться? Напишет модный репортер статью о том, что оранжевый жемчуг добывают из кишок уродливых туземцев, а цена ему – литр воды. И все! Богатые бабки поскидывают с себя жемчуга. Он ничего не

будет стоить.

– Денис…

– Леша, я пять лет здесь торчу. Мы, может, и не друзья уже, но ведь хорошими приятелями остались? – Денис ухмыльнулся. – Позволено ли мне будет сказать тебе правду? Ты ухитряешься из самой выигрышной ситуации выйти с наибольшими потерями.

Я вскочил. Денис пожал плечами.

– Чего ты добиваешься? – спросил я. – А?

– Мне подписали рапорт, – спокойно ответил Денис. – Пора лепить капитанские звездочки на погоны. Послезавтра я улетаю.

– Куда? – тупо спросил я, будто это было важным.

– На переподготовку. За пять лет я отстал серьезно… но попробую наверстать. А потом в регулярные части. – Денис искоса глянул на меня. – Видимо, на границе растет напряженность. Так что… тебе не с кем будет советоваться и некому плакаться в жилетку.

– Не плакался я тебе и не собираюсь! – крикнул я. – Проваливай! Может, кого получше пришлют!

– Да никого не пришлют, Алексей. Гарнизон опять сокращают.

– Меньше дармоедов, – огрызнулся я. – Прощай.

– Пока, Лешка.

Я шел от поста – почти бежал, а свежеиспеченный капитан Денис Огарин сидел на ракетном ранце, на котором сидеть совсем не рекомендуется, и пыхтел трубкой. Ему осталось провести всего два дня на моей планете, и он был этому рад.

А мне, наверное, предстоит тут прожить всю жизнь. Еще лет сто. Вот только чем они будут отличаться от прожитых двадцати?

* * *

– Может быть пива, Алексей?

– Нет, дядя Гриша. Коньяка.

Трактирщик Григорий и впрямь приходился мне дядей. Правда, троюродным. У нас слишком маленькая колония, почти все друг другу родственники – дальние. Поэтому на родство обращают мало внимания, разве что на прямое, мать – сын, брат – сестра…

Но Григорий Кононов, бывший солдат Империи, списанный по ранению, бывший городничий, ушедший с поста по собственной воле, бывший миллионщик, разбогатевший на «Звезде полуночи», но просадивший почти все состояние за полгода, был мне достаточно близок. Одно время он немного помогал нам – когда отец уже погиб, а мама еще боролась за жизнь. Я не то чтобы его любил, уж слишком часто дядя говорил колкости, но относился с большой симпатией, и это было взаимно.

– И что у тебя стряслось? – Григорий молча налил мне коньяка, причем более дорогого, чем заслуживали мои жалкие кредитки. – Какое горе топим?

Я молча выпил, краем глаза наблюдая за трактиром. Народу пока собралось немного. Кто-то играл в лапту и городки в спортивном зале, кто-то резвился в бассейне – все это можно было наблюдать сквозь две стеклянные стены трактира, выходящие внутрь клуба. Две другие стены были бревенчатыми, как принято в трактирах.

– Предложили жемчужину первой величины, а у тебя воды не нашлось? – предположил дядя Гриша. Я растерянно посмотрел на него. – Что, и впрямь?

Сидевшие рядом стали с любопытством поглядывать на меня. Их ожидания оправдались. Уже через десять минут я, подтверждая прогноз Огарина, рассказал всю историю.

Кононов присвистнул и налил мне полный бокал. Еще более дорогого и качественного коньяка.

– За счет заведения. Все равно ты напьешься, так позволь сделать твое похмелье менее тяжелым. Ничего, Леша, бывает.

Я кивнул. Меня уже сочувственно хлопали по плечам, говорили о том, что всяко бывает, и удача все равно придет. Начали вспоминать истории о том, как, отказавшись от мелкого жемчуга, старатель вскоре купил большой, как абори приходили к одному и тому же человеку день за днем, принося все более крупные жемчуга… Пошел нормальный, успокоительный треп, когда вместе с искренней симпатией (все мы тут свои, и все в общем-то люди добрые) угадывается и доля насмешливого облегчения. Не я! Не я сделал эту глупость – читалось в лицах.

Пил я много, но совершенно не пьянел, видно, с горя. А может, с дорогих коньяков, от которых лишь теплело внутри, но соображение не терялось. Только когда встал с высокого крутящегося стула и ноги стали разъезжаться, я понял, как набрался.

– Эх, отяжелел, Лешка, – подхватывая меня, сказал Ромка Цой, мой ровесник, парень худощавый, но жилистый, под стать корейским предкам. – Пропойца…

Сказал он не со зла. И никто бы не обратил внимания на слово, если бы не мой недавний рассказ…

– Лешка-пропойца, – вздохнул кто-то. Имелось в виду уже не опьянение, а постыдная история с обменной флягой.

И выходя вместе с Ромкой из бара, я понял, что кличка приклеится насмерть. Вместе со «скульптором», «дезертиром», «проводником» и прочими насмешливыми эпитетами, за каждым из которых стоял тот или иной позор.

Капитан Огарин вновь оказался прав. Во всем.

– Ромка, почему я… почему я такой? – заплетающимся языком спросил я.

– Сейчас свежим воздухом подышишь, пройдет, – миролюбиво ответил Ромка.

Мне стало смешно.

– Да не… кореец, ты дурак… я не о том…

Ромка только пыхтел, выволакивая меня из клуба. Городская малышня, резвившаяся в бассейне, хохотала. Шедший навстречу отец Виталий, наш новый священник, недавно принявший сан, неодобрительно нахмурился. Но вежливо промолчал, достал сигаретку с марихуаной и сделал вид, что весь ушел в поиски зажигалки.

Я вдруг подумал, как часто в последнее время люди при встрече со мной отводят глаза.

– Во, сейчас протрезвеешь, – сказал Ромка, сгружая меня на скамейку у входа. Хорошо хоть никого на улице – кто в клубе, кто по домам сидит. Большинство в клубе, конечно… – Ничего, Лешка, не грусти…

– Да не грущу я!

Ромка вздохнул, уселся рядом. Добродушно сказал:

– Это правильно. Грустить нечего. Со всяким бывает. Может, тебе жениться?

– Что? – Я не уловил связи.

– Знаешь, умная жена… – Он замолчал, сообразив, что ляпнул лишнее. Но было поздно.

– Общее мнение? – спросил я. Ромка удивленно глянул на меня – до него дошло, что я трезвее, чем выгляжу.

– Да. Общее. Ты уж не обижайся, но тебе и впрямь пора остепениться.

Сам он был женат четыре года, у него росли двое малышей, причем старший уже гордо таскал на поясе обменную флягу. И в городке Ромку уважали.

– Ты пойми, Леша. – Ромка посмотрел на меня с некоторым смущением. – Все мы тебя любим. Ведь в чем наша православная сила? В любви, в единении! Не только быть хорошим человеком, а еще и хорошим членом общины. И за тебя душой все болеют, поверь. Когда ты очередную глупость делаешь, может, кто для виду и посмеется, но по правде-то душа за тебя болит! Когда человек один, он – тьфу… – Ромка шлонул под ноги, растер плевок, – ничего не стоит! И себе в тягость, и общине. Может, тебе и впрямь нужен кто-то рядом, а без того – сплошные неудачи?

– И кого мне община сватает? – спросил я.

Ромка смутился. Но выбраться из разговора было уже не так-то просто.

– Ольгу Нонову.

Я не сразу нашелся, что ответить:

– Ольгу Петровну? Ромка… в первом классе все мы были влюблены в училку! Но ведь ей уже за сорок! Далеко за сорок!

Слава богу, он не сказал про «сорок пять» и «бабу – ягодку опять». Молчал, отведя глаза. Я переваривал услышанное. Значит, в городе меня считают настолько неисправимым лоботрясом, что, кроме пожилой учительницы, чопорной и самовлюбленной, по возрасту годящейся мне в матери, никто не способен обо мне позаботиться.

О том, что я способен о ком-то позаботиться, речи не шло вообще.

– Улечу я, Ромка, – сказал я. – Куда угодно. В приграничье, на рудные планеты. Не могу я больше так. Бродить, ждать, пока абори предложит тебе кусочек фекалий…

– Жемчужины – не фекалии! – оскорбился Роман. Он был старателем неутомимым и довольно везучим.

– Да хоть почечные камни, – злорадно повторил я слова Огарина. – Это же безумие! Жить, надеясь, что выпадет удача, и тебе подарят никому не нужный кусочек чужой плоти! Что вспоминать будешь, когда время умирать придет? Как с флягой по джунглям бродил?

Ромку проняло. Мы были добрыми приятелями, но сейчас я перешел грань. Он встал, склонился надо мной.

– Умирать не тороплюсь! И на омоложение заработаю! Да хоть сейчас помирать, найду что вспомнить – сорок три жемчужины свои, жену, пацанов! А ты, Лешка, что вспомнишь? Детские свои скульптурки? Кстати, из чего ты их лепил, обличитель? Вот они-то… как раз… Если бы на Терре настоящие художники знали… в руки бы их не взяли!

Я молчал. Потому и перестал, чего уж скрывать. Как узнал, что такое на самом деле попадающиеся в лесах янтарные кругляши, из которых так интересно вырезать – вырезать, а не лепить – красивые, сверкающие под солнцем статуэтки… так сразу и перестал резьбой баловаться.

– Беспутный! – жестко сказал Роман. – Может, собрать тебе общиной денег на билет? Ты же сам никогда не заработаешь, тебя и так всем миром содержат!

Я вскочил – земля под ногами качнулась, но я устоял и быстро пошел прочь от клуба. Алкоголь будто перестал пьянить, видно, слишком много адреналина выплеснулось в кровь. Ромка, который горячился редко, а остывал быстро, замолчал и неуверенно крикнул вслед:

– Эй, да перестань ты, на правду не обижаются!

Не останавливаясь я шел вперед, к кромке поля. Да, да, я хочу убраться отсюда! Я всю жизнь об этом мечтал! Но не мог же я, пацан, улететь на сказочную, великую, древнюю Терру, когда болела мать! И с этим проклятым набором волонтеров… ну не хотел я руку ломать, кто ж такое захочет, я себе тренировку устроил, решил показать все, на что способен, комиссии, а тут…

И сегодня. Шла в руки удача, шла жемчужина огромной цены. Сдал бы ее в контору, получил чек… и через неделю, на туристическом лайнере «Афанасий Никитин», что раз в полгода останавливается у планеты, отправился бы в

метрополию.

А теперь – конец. «Всем миром на билет» мне не скинутся, это уж точно. Вместо того придет батюшка Виталий, выпьет со мной или травки покурит, если пост, посмотрит укоризненно в глаза, начнет говорить о Боге, о судьбе, о том, что я своим безалаберным поведением огорчаю Господа, что последствия – духовные – для меня будут очень прискорбны. И не замечу, как пойду под венец с пожилой, толстенькой, занудливой Ольгой Петровной…

Я пришел в себя, оказавшись на краю взлетного поля. Было совсем темно, и в ночном небе вспыхивали, чиркали, сгорали и тухли звезды. Ну, не звезды… падающие звезды. Наша планета окутана пылевым облаком – из-за него настоящих звезд мы никогда и не видим. Зато каждый миг над головой сгорают тысячи микрометеоритов. Говорят, настоящие звезды точно такие же, только они не мерцают, горят ровно и спокойно. Говорят, что наше звездное небо красивее обычного. Потому и приезжают иногда туристы – провести одну ночь, потанцевать и выпить под мерцающим шатром…

Не знаю.

Я хотел бы увидеть настоящие звезды.

Я хотел бы летать от звезды к звезде. Пройти по планетам Приграничья, посетить Терру. Кем угодно там быть! Хоть золотарем! Но не в нашей дыре! Господи, пусть не верю я в тебя, не верю, но молю, помоги вырваться отсюда! В настоящий, огромный мир, где можно стоять под небом, в котором горят звезды, а не межпланетный мусор! Где происходят настоящие дела!

– Лешка!

Из темноты возникла фигура в форме. Я узнал Дениса – почему-то он был при полном параде, даже три своих ордена нацепил. И звездочку на погоны уже добавил…

– Так и знал, что это ты шатаешься… – уже потише сказал он, подходя. – Все-таки военная территория, приятель!

Я молчал.

– Или я выбыл из разряда тех, с кем ты разговариваешь? – полюбопытствовал Денис.

– Нет… – выдавил я. – Извини. Ты был прав… во всем.

– Надо же. – Огарин развел руками. – Ты признаешь… – Он замолчал, подошел ближе, взял меня за руку. – И ты меня извини. У тебя неприятность случилась, а тут я со своими нравоучениями. Не держи зла.

– Мир и любовь, – ответил я. Надо же, способность шутить еще не атрофировалась!

– Да, кстати… мир и любовь… У тебя водичка есть?

Я отстегнул с пояса новую флягу, рефлекторно прихваченную из трактира, молча подал Денису. Тот глотнул, снял фуражку и вылил остатки воды себе на голову. Задумчиво сказал:

– Красиво… все-таки мне будет не хватать вашего неба… Держи!

В его ладони лежала жемчужина. Чуть поменьше той, что я проворонил днем. Но все равно – большая.

– Я глянул по справочнику – должно хватить на билет в метрополию, – сказал Денис. – Бери.

– Нет.

– Что? – Огарин удивленно посмотрел на меня. – Эй, Лешка, привет! Это я! Я взял у тебя флягу воды, а взамен даю эту самую жемчужину. Какая разница, человек предложил обмен или абори?

– Большая. Абори не знают ей цены.

– Не хотят знать. И я не хочу. Все равно продавать бы не стал, увез как сувенир. Какого черта… лучше тебе помогу. Бери!

– Откуда она у тебя?

Денис фыркнул.

– Оттуда, откуда и у всех. Я ведь дежурю на посту. Гоняю туземцев, если те забредают на взлетное поле. А они иногда протягивают мне жемчуг. Зачем обижать отказом ходячие излучатели? Вот откуда жемчужина. И она не единственная, кстати.

– Нет.

– Почему, скажи на милость? Бьют – беги, дают – бери!

– Денис, ты прав насчет судьбы. Не умею я пользоваться ее подарками.

– Так вот он тебе, подарок! Пользуйся!

– Денис, это…

– Что – «это»? Что?

Минут десять мы переругивались. Денис пихал мне в руку жемчуг, а я не принимал его. Я не мог сформулировать, почему не должен был брать жемчуг. Не знал этого сам. Но – не брал.

– Лешка. – Денис наконец-то понял, что меня не переспорить. – Ну в чем дело? Ты говоришь – я прав. Так вот она, судьба!

– Это не судьба.

– А что же тогда?

– Жалость.

Огарин сплюнул. Уже совершенно спокойно спросил:

– А когда будет судьба?

– Я ее узнаю.

– Может, ты и прав, – неожиданно заметил он. – Никогда не верь в подарки судьбы. Если не приходится вырывать их зубами – они не вкусные. Молодец, Лешка… Чему-то я тебя научил… все-таки.

Засунув руки в карманы, нахохлившись, он стоял передо мной, разом утратив свой бравый и всегда уверенный вид. Смотрел в искрящееся небо – наверное, для него это зрелище и впрямь необычное, раз никогда не упускает случая полюбоваться.

– Красиво, – осторожно заметил я.

Огарин пожал плечами.

– Да я в общем-то не любуюсь. Пытаюсь найти корабль.

– Какой корабль?

– Яхта класса «Рикша». Час назад запросила разрешения на посадку. Думаешь, чего я тебя искал на поле? Броди… мне-то что. Но попадешь под откатный луч двигателя – мало не покажется.

– Яхта, – повторил я. В наших краях это была еще большая редкость, чем земной транспортник или круизный лайнер. Обычная яхта, конечно, если к ним применимо слово «обычная», нуждается в регулярном и сложном обслуживании. А до ближайшего по-настоящему развитого мира – почти двадцать световых. – Что это за модель, «Рикша»?

– Не знаю. Их сейчас много развелось. Может, развалюха, а может, летающий дворец.

– Скоро будет?

– Через полчаса. – Огарин достал трубку. – Или чуть раньше.

– Наверное, на дозаправку или ремонт идет, туристы загодя предупреждают, – предположил я. – Можно мне посмотреть?

– Да смотри, мне-то что.

Мы стояли, глядя на зачирканное метеорами небо. Углядеть в нем корабль – почти невозможно. И все-таки было что-то завораживающее в этой безумной попытке – среди тысячи сгорающих звезд разглядеть одну, живую.

– Помнишь, как мы познакомились? – спросил вдруг Денис. – Точно так же. Ты выбрался на поле поглазеть на какой-то корабль.

– Помню. Ты меня еще чуть не пристрелил.

– Ага. Ну что ты хочешь, я же третий день был на планете. К вашей безалаберности еще не привык. На Ханумаи мне дали бы отпуск за пристреленного нарушителя.

– За пристреленного мальчишку.

– Без разницы. Режим космопорта – это режим. Брось, Лешка. Кто старое помянет…

– Угу.

Огарин похлопал меня по плечу.

– Знаешь, буду я скучать, наверное. И без вашего сумасшедшего неба, и без этих придурков-абори. И без тебя тоже.

– Без меня, придурка.

Капитан тихо засмеялся.

– Злись. Только не на меня злись, такая злость – бесплодна. На себя. Всегда и во всем. Чтобы ты ни сделал неправильного – злись на себя. Это иногда помогает.

– Корабль, – сказал я.

– Где? – Огарин вновь задрал голову.

Я соврал ему. Не потому даже, что хотел прервать поток нравоучений. К ним я привык, да и говорил Денис большей частью правильные вещи.

Мне просто захотелось тишины.

Это смешно, наверное. Вот только Денис для меня был другом, настоящим другом. Я это только сейчас сумел понять. Все остальные, ну, даже те, с кем я времени проводил в десять раз больше, они были наши, местные. Я их знал как облупленных, и они меня тоже. Это все-таки не совсем дружба, когда выбирать не приходится. С Денисом мы подружились после того, как он десять минут продержал меня на прицеле, а я позорно разревелся. И виделись-то не очень часто, он вечно был занят, старший офицер гарнизона из двадцати человек, а мне надо было шастать по лесам и обихаживать абори.

Но он был моим другом. Теперь его не будет рядом. Останется наш маленький поселок, останется гарнизон, останется это рассыпающееся под ногами взлетное поле, и миллионы сгорающих в небе звезд пеплом лягут под ноги. Денис улетит к новому месту службы, а я еще месяц-другой поругаюсь с общиной, а потом пойду к напомаженной Ноновой с букетом алых роз.

– И впрямь корабль, – удивленно сказал Денис. – Как ты разглядел? Таких талантов не замечал.

Я удивленно посмотрел в небо. Да. Точно. Красная точка, на первый взгляд неотличимая от тысяч других, никак не собиралась гаснуть, да и двигалась ощутимо медленнее.

– Идет на плазменных, до посадки минут пятнадцать – двадцать. – Капитан покачал головой. – Нет, ты и впрямь молодец! Как углядел?

Ощущение было дурацким.

Мне всегда хотелось, чтобы он меня хвалил. От родителей доводилось иногда слышать слова одобрения. От него – никогда или почти никогда. Не за что было. Да и сейчас, если честно, не за что.

– Никак, – сказал я. – Не видел я корабля. Просто так сказал, наудачу.

Огарин хмыкнул.

– А может быть, и это – хорошо?

– Чего ж хорошего?

– Удача, хоть кусочек удачи. Пропадешь ты тут, Лешка. Точно пропадешь.

– У нас планета мирная, добрая. У нас только негодяи да бездельники пропадают.

– Лешка, пропасть можно по-всякому. Даже оставаясь живым и здоровым, с хорошенькой женой, здоровыми ребятишками и приличным счетом в банке. Для некоторых – не это главное.

– Для тебя, например?

– Ага, – с удовлетворением ответил Денис.

– Ты потому пошел в космопехоту?

Огарин усмехнулся:

– Да я ведь тебе не рассказывал никогда. Теперь можно, пожалуй.

– Что, достаточно для этого вырос? – иронично спросил я.

– Не в том дело. Да. Пожалуй, тебе это нужно услышать. Я ушел в космопехи, потому что моя сестра была дурой.

– Чего?

Мне сразу представилась картина – обиженный злой старшей сестрой Денис собирает вещи в котомку, ворует у родителей кредитку и зайцем летит на Терру.

– Моя сестра была дурой, – повторил Денис. – Мы с ней были двойняшками. Ну, тут все понятно. Драки на подушках, секреты, ябедничанье родителям. А еще она всегда боялась, что ее изнасилуют. Наверное, ей этого подспудно хотелось. Дружка надо было завести, но она комплексовала и боялась. Я же с Милости Господней, слышал?

– Да.

Мне стало не по себе. Денис явно собирался рассказать что-то, не предназначенное для чужих ушей. Но отказаться слушать тоже сил не было.

– Порядки у нас строгие были. Куда строже ваших, православных. Император это терпел. Но после мятежа фундаменталистов направил десант.

Голос у него был ровный-ровный. Лучше бы он злился, когда все это рассказывал, или переживал.

– Наша семья не участвовала в мятеже. Но когда на столицу свалились с неба три тысячи десантников, они разбираться не стали. Вся наша гвардия полегла за полчаса. С именем Бога на устах удобно разводить костры на площадях, а не воевать. Успели чуть-чуть потрепать десант, и тот остервенел. Нас отдали во власть победителей, на сутки. Закон войны. Неофициальный. Родителей я просто больше никогда не увидел, десант высадился, когда они уехали на рынок, за продуктами. Что с ними случилось, пуля от наших, луч от имперцев, обрушившаяся стена, запаниковавшая толпа… Не знаю. И никогда уже не узнаю. Мы сидели с сестрой вдвоем, нам тогда было по двенадцать лет. Понимали, что в дом заглянут, он стоял в самом центре, рядом с собором Святого Дениса, в чью

честь нас и назвали, богатый и пышный дом. Потом мы увидели, как через сад идет офицер в броне, услышали визг Антуана – нашей мутированной гориллы-охранника. Сестра всегда мной командовала. Велела спрятаться – примитивно так, под кроватью. А сама натянула шортики и блузку посексапильнее, даже не стесняясь, хотя уже год, как при мне не переодевалась. Сказала, что ее обязательно изнасилуют, а дом разграбят. Но зато мы уцелеем. Она была красивая девочка и физически развитая. Еще я думаю, что ей хотелось быть жертвой. Именно такой, маленькой невинной жертвой войны и моей спасительницей. Я лежал под кроватью, старался не дышать, смотрел на ее лодыжки в белых колготках. Я был трусоват. Что уж тут. И знаешь, я ведь сразу ей поверил, что так все и произойдет.

Денис очень естественно рассмеялся.

– Я возбудился, представляешь? Боялся за себя, за Денизу переживал, а в уголке души – хотел увидеть, как это бывает. Что-случается-в-кино-после-поцелуя… ты не забывай, ведь Милость Господня тогда была очень пуританской планетой.

Мне было не по себе. Я понять не мог, зачем Огарин вдруг выворачивает передо мной душу, вместо того чтобы мирно встречать садящуюся яхту.

– Офицер вошел в ее комнату, – задумчиво сказал Денис. – То ли услышал что-то, то ли у него был детектор органики.

– Он… – не удержался я от вопроса, потому что капитан вдруг замолчал.

– Нет. Он не стал ее насиловать. Может быть, у него уже не стояло, ведь с захвата города прошло часа три. Может быть, он предпочел бы увидеть меня на месте сестренки. Может быть, не хотел рисковать, снимая броню. А может быть, офицер был моральным и честным человеком, который не собирался так гнусно поступить с маленькой девочкой.

– Скотина ты – сразу не мог сказать, – выдохнул я.

– Не мог. Так вот, офицер Денизу не изнасиловал. Просто выстрелил, очень точно и гуманно, в голову, в лоб. Я увидел вспышку, потом у нее как-то странно выгнулись ступни, короткой судорогой, и с ноги слетела туфелька. Дениза упала, ее лицо оказалось рядом с моим, глаза раскрытые и удивленные, я тогда

не знал, что у мертвых они всегда удивленные, и во лбу – крошечное черное пятнышко. Лазерный луч оставляет слабый след, а что мозги вскипели – видно не всегда.

– Зачем? – закричал я.

– Что зачем?

– Зачем он это сделал?

– Да чтобы не оставалось свидетелей, – удивленно ответил Денис. – Разве непонятно? Он сразу увидел, что в особняке найдется чем поживиться. И маленькая свидетельница разбоя никак не укладывалась в его планы. У сестры на шее было ожерелье, не ее, мамино, даже не знаю, когда она его надела и зачем. Видимо, чтобы быть привлекательнее. Офицер присел, порвал застежку, снял ожерелье, а меня так и не заметил. А я не увидел его лица. Только эмблему на перчатке – улыбающаяся мальчишечья рожица в пилотке набекрень. Кадетское училище. Он еще забрал со стола шкатулку с украшениями Денизы, но они были дешевыми, обычная бижутерия, потом шкатулку нашли выброшенной в саду. И так, наверное, тяжело было все тащить. Я пролежал под кроватью до следующего вечера. Лицом к лицу с сестрой. Меня оттуда вытащили полицейские из временных сил поддержания порядка, когда десант уже покинул город. Объяснили, что родители пропали, сестру убили мародеры из числа фундаменталистов, но теперь порядок восстановлен. Психологи со мной возились полгода. Кое-что еще было на счетах, и они старались. Я сказал, что все так и было. Я тоже старался. Объяснил, что хочу пойти в десант, который так доблестно нас спасал от бандитов. Что отказываюсь от наследства, от особняка, серебряного рудника в горах, чайной плантации. Все подписал. Это очень понравилось администрации. Мне дали документы, что родители погибли в боях с мятежниками, все такое прочее, рекомендацию от имени правительства переходного периода и отправили на Терру. Через месяц я поступил в кадетское училище, и на моем рукаве появилась нашивка – детская рожица в пилотке наперекосяк.

– Ты решил отомстить? – спросил я.

– Конечно.

– Это был курсант?

– Нет, взрослый. Кто-то из офицеров-преподавателей. Училище отправили на мятеж в полном составе, ведь понятно было, что сопротивления сильного не будет, а волчатам надо острить зубы.

– Ты убил его?

Огарин посмотрел на меня – с прежней веселой и снисходительной насмешливостью.

– Лешка, в училище три тысячи человек личного состава. Большинство посетили Милость Господню. Я искал. Караулил. Подслушивал. Но таким не хвастаются – когда кончается война. Там были подлецы – но вот они как раз не попали в десант. И я решил, что взорву училище. Полностью. Захвачу арсенал, и… Маленький я был и уверенный в себе. Знаешь, у меня бы получилось. Я очень старался. Я помнил глаза сестренки, такие удивленные глаза. Вот только когда я действительно смог бы захватить арсенал, кроме одного врага, у меня был не один десяток друзей. Даже среди тех, кто топтал мой город.

– Ты его не нашел?

– Нет. А ведь наверняка его видел. Отдавал ему честь. Хохотал, когда он шутил на занятиях. Прижимался к груди, когда было тоскливо, и хотелось ласки: они там все хорошие психологи и знают, что даже волчатам нужна нежность. Я видел его глаза, но не знал, кто он. Так вот все и случилось. Я покинул свой уютный тихий мирок и отправился странствовать по большому миру.

Корабль был уже совсем низко. Садился он где-то в километре от нас, садился красиво, пританцовывая в воздухе, без той неуклюжей мощи, что свойственна грузовикам и лайнерам. Яхта жила в небе, была его частью, будто одна из падающих звезд вдруг превозмогла судьбу и научилась не падать – летать.

– Зачем ты мне рассказал эту историю? – спросил я. – Пять лет не рассказывал, и вдруг…

– Чтобы ты знал, Алексей, на что похож тот большой мир, куда ты так рвешься.

– Денис, я же сказал, подарок твой – не возьму! И тот большой мир мне не светит! Только во сне. Я скоро на Ольге Ноновой женюсь и стану достойным членом общины!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Смотрите приложение в конце книги.

Купить: https://tellnovel.com/sergey-lukyanenko/teni-snov

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити